

Эржебет Ч. Йонаш
(Ньиредьхаза, Венгрия)

О НОВОМ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» НА ВЕНГЕРСКИЙ ЯЗЫК

Abstract: Crime and Punishment is one of Dostoyevsky's most known novels; it was first published in Russian in 1866. Its newest, fifth Hungarian translation by Andras Soproni was published in 2015. We study the original text in relation to the temporal dimension (due to the elapsed time between the original novel and the new translation), the translational behaviour and finally the reader's horizon supposed by the translator. Analysing the translation in the target language this way gives us primarily a linguistic view of the world.

Keywords: translational stylistics, text variant, translational behaviour, language usage, cultural reality

1. Когнитивная лингвистика и анализ художественного перевода

Когниция как процесс познания, отражения в сознании человека окружающей действительности и преобразования этой информации в сознании (КУБРЯКОВА 2004: 9, цитируем по: ПОПОВА, СТЕРНИН 2007:10). Когнитивная лингвистика исследует ментальные процессы, происходящие при восприятии, осмыслении и познании действительности сознанием, а также виды и формы их ментальных репрезентаций (ср. TOLCSVAI NAGY 2013, TÁTRAI 2011). Когнитивная лингвистика, как самостоятельная область современной лингвистической науки, выделилась из когнитивной науки. Она складывается в последние два десятилетия XX века, но её предмет – особенности усвоения и обработки информации, способы ментальной репрезентации знаний с помощью языка – был намечен ещё в 19 веке (ср. А. А. ПОТЕБНЯ о Гумбольдте In: ПОПОВА, СТЕРНИН 2007: 8).

В художественном переводе задача переводчика сохранить смысловую ёмкость художественного текста, передавая прежде всего образ образом (ср. ФЕДОРОВ 2002: 374-387). Если переводчику удастся хоть частично передать не только лексическую семантику текста, но и стилистические средства оригинала, то это несомненно повышает уровень стилистической эквивалентности перевода.

Коммуникативные аспекты и семантизация текста оригинала переводчиком связывает когнитивную лингвистику и исследование

художественного перевода. В основе же восприятия чужого текста лежит *языковая картина мира*.

«*Языковая картина мира* – это совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в значениях языковых знаков – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» (ПОПОВА, СТЕРНИН 2007: 54).

По мнению Гадамера, из окружающего мира мы обладаем только теми фрагментами, которые можем называть языковыми формами (ср. GADAMER 1994).

Но на основании языковой картины мира нельзя достоверно судить о современных представлениях о мире, об актуальной *концептосфере* говорящего. Изучение представлений о действительности, зафиксированных в языке определенного периода, позволяет косвенно судить и о том, каково было мышление данного народа, реконструировать в основных чертах его когнитивную картину мира в этот период.

Когнитивная картина мира и языковая картина мира связаны между собой как первичное и вторичное, как ментальное явление и его вербальное овнешнение, как содержание сознания и средство доступа исследователя к этому содержанию.

Художественная картина мира тоже вторичная, подобно языковой. Она возникает в сознании читателя при восприятии произведения. Такое восприятие на первом этапе перевода имеет сам переводчик. Картина мира в художественном тексте создаётся языковыми средствами, с помощью которых отражается индивидуальная картина мира в сознании писателя. А в переводе отражается так же индивидуальная картина мира и переводчика, и его эпохи. Это объясняет то, что появляются новые и новые переводческие интерпретации произведений (КУБРЯКОВА 2004: 9-11, МАСЛОВА 2007: 52-73).

2. Роман Достоевского на венгерском языке

Произведения Ф. И. Достоевского хорошо известны венгерскому читателю, они стали издаваться ещё при жизни писателя, и к нынешнему моменту все его значительные произведения доступны на венгерском языке, некоторые из них в двух и даже в трёх переводах. Одним из таких произведений является самый известный его роман, написанный 150 лет тому назад, «*Преступление и наказание*» (1866). Первый перевод – работа Эндре Сабо (Szabó Endre) появился в 1888 году и сразу имел большой успех. Через полвека появился перевод Имре Герег (Görög Imre), этот перевод в переработке Маргит Г. Беке (G. Beke Margit) и по сей день является самым известным. В 2004 году вышел перевод Эржебет Вари (Vári Erzsébet). В 2015 году издательство „Syllabux” с финансовой

поддержкой фонда «Институт перевода» решило издать новый перевод Андраша Шопрони (Soproni András) (HETENYI 2009).

2.1. Вопрос перевода заглавия романа

Общеизвестное, ставшее идиоматическим венгерское название романа *Преступление и наказание* „*Bűn és bűnhődés*” было дано Имре Герег. Оно же было использовано и Эржебет Вари. А. Шопрони тоже не изменил традиционное название, хотя значения слов в названии не совпадают полностью со словами русского названия. Как в русском, так и в венгерском существует несколько синонимов, обозначающих нарушение моральных и юридических законов. В русском такими являются *преступление, вина, грех*, а в венгерском *bűn, bűncselekmény, büntett, véték*. Полного соответствия между этими словами нет. В этом значении к слову *преступление* ближе всего венгерские слова *büntett, bűncselekmény, bűnelkövetés, törvényszegés*, однако они слишком плоские, официальные для названия такого романа, как «*Преступление и наказание*». Слово *bűn* в первую очередь означает нарушение моральных законов. Венгерское название таким образом стилистически как-бы возвышает название романа. Однако русское слово происходит от глагола *преступать, переступать*, и в романе речь идёт не просто об убийстве процентщицы, но в первую очередь о том, можно ли переступить моральные, человеческие законы. Значение венгерского слова *bűnhődés* тоже имеет более возвышенную стилистическую окраску, чем русское слово *наказание*, и, кроме наказания, внешними силами носит ещё и оттенок внутреннего морального процесса, которое, возможно, не так ярко выражено в русском слове *наказание*, однако исходя из всего содержания романа и в этом случае можно подтвердить выбор слова *bűnhődés* переводчиками.

Сохранение венгерского заглавия объясняется прежде всего тем, что оно имеет особую ценность – венгерское название представляет собой стилистическую фигуру как антитеза, аллюзия (намёк на Библию) и этимологическая фигура (контактный корневой повтор) (МОСКВИН 2006).

2.2. Стилистические вопросы перевода

Первое впечатление читателя от перевода А. Шопрони – текст читается легко, нигде не тормозит читателя, наоборот, захватывает и несёт его с собой. На протяжении всей книги сохраняется живой голос самого автора.

Характерной чертой книги является драматизм, который проявляется в взволнованных монологах и диалогах. А. Шопрони блестяще передает языковые особенности каждого персонажа.

2.2.1. Социо-культурные основы речи героев: Ненормативная речь, народные говоры, реалии

Особую задачу задают переводчику такие стилистические приёмы, как народный говор, иностранный акцент и детский лепет. Переводчик владеет приёмами передачи этих речевых особенностей, разработанных поколениями венгерских писателей и переводчиков. Сложнее обстоит дело в случае с еврейским пожарником, когда встречается с Свидригайловым и начинается разговор. Достоевский чётко передаёт его своеобразный акцент, эквивалент который в современном венгерском существует рудиментарно, в основном в лексике, и имеет явно городской оттенок. Поэтому переводчик вынужден эксплицитно указать на то, что пожарник говорит еврейским акцентом:

Свидригайлов вынул револьвер и взвел курок. Ахиллес приподнял брови.

– **А-зе, сто-зе, эти сутки (шутки) здесь не места!**

– Да почему же бы и не место?

– **А потому-зе, сто не места.**

– **Ну, брат**, это всё равно. Место хорошее; коли тебя станут спрашивать, так и отвечай, что поехал, дескать, в Америку.

Он приставил револьвер к своему правому виску.

– **А-зе здесь нельзя, здесь не места!** – встрепнулся Ахиллес, расширяя всё больше и больше зрачки.

Свидригайлов спустил курок. (ДОСТОЕВСКИЙ 1866: V/6)

Перевод Герег и Беке:

Szvidrigajlov most elővette a pisztolyát, és felhúzta a kakast. Achilles a homlokát ráncolta.

– **Hát ez mi? Ne tréfáljon, itt nem szabad...**

– Aztán mért épp itt ne volna szabad...

– **Mert nem szabad.**

– Sebj. Jó hely ez, **barátom**. Ha kérdeznék, mondd azt, hogy Amerikába utaztam.

És jobb halántékára illesztette a pisztolyt.

– **Hallja, izé, itt nem szabad, tilos!** - Achilles felkapta a fejét, szeme mind tágabbra nyílt.

Szvidrigajlov meghúzta a ravaszt. (DOSZTOJEVSZKIJ 1958: 323)

Перевод Шопрони:

Szvidrigajlov elővette a revolvért, és felhúzta a kakast. Az Achilles felvonta a szemöldökét.

– **Hajja, kérem, itt tilos viccölődni!**

– Aztán miért?

– **Mer' tilos.**

– Ugyan, **testvér**, ne törődj vele. Jó hely ez; ha majd megkérdeznek, mondd azt, hogy az úr Amerikába utazott.
Azzal a jobb halántékához emelte a revolvert.
– **Hajja, tilos!** – riadt meg az Achilles, és pupillája még jobban kitágult. Szvidrigajlov meghúzta a ravaszt. (DOSZTOJEVSZKIJ 2015: 438)

Перевод реалий, неизвестных для венгерских читателей – это особая задача для переводчика. Переводчик может излагать прагматическую функцию. Реалия «думая **о царе Горохе**»¹ в размышлении Раскольникова происходит из сказок. Выражение пришло из русского фольклора, где был такой герой царь Горох. Неправдоподобие такого царя и придаёт выражению значение «невероятно давно». Подобные выражения есть и в славянских, и в неславянских языках: «при царе Копыле», «при царице Чечевице». В Польше, например, скажут: «при короле Сверчке» или «при короле Гольше». Царь Горох, вполне симпатичный, добрый, нестрашный. Жил он очень, очень давно, когда – и не упомнишь². Оборот означает «*что-то неважное, что было давним давно*».

"На какое дело хочу покуситься и в то же время каких пустяков боюсь! – подумал он с странною улыбкой. (...) Это я в этот последний месяц выучился болтать, лежа по целым суткам в углу и думая... **о царе Горохе**. Ну зачем я теперь иду? Разве я способен на *это*? Разве *это* серьезно? Совсем не серьезно. Так, ради фантазии сам себя тешу; игрушки! Да, пожалуй что и игрушки!" (ДОСТОЕВСКИЙ 1866: I/1)

Перевод Герег и Беке:

„Micsoda vakmerő dolgot tervezek, és közben ilyen ostobaságotól rettegek! – gondolta különös mosollyal. (...) Most az utóbbi hónapban szoktam rá, mert naphosszat csak heverek az odúmban, és elmélkedem... **sok semmiről**. Minek is megyek ma oda? Hát meg tudom én tenni... *azt*? Hát komolyan gondolom? Eh, dehogyis. Képzeteletem mulattatom vele. Játszom. Ez az: játék.” (Ford. Görög Imre – G. Beke Margit In: DOSZTOJEVSZKIJ 1958: 3)

¹ Царь Горох

https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A6%D0%B0%D1%80%D1%8C_%D0%93%D0%BE%D1%80%D0%BE%D1%85 (2016-06-20)

² Когда жил царь Горох?

<https://www.nkj.ru/archive/articles/13600/> (2016-09-29)

Перевод Шопрони:

Micsoda tette akarom elszánni magam, és közben semmiségektől félek! – gondolta furcsa mosollyal. (...) Az utóbbi hetekben szoktam rá a szájalásra, amióta naphosszat csak heverek a zugomban, és csak gondolkodom... Miről? **Ködképekről**. Most is minnek megyek? Hát képes vagyok én *arra*? Komolyan gondolom *azt a dolgot*? Dehogy. Csak fantáziálok, passzióból. Játszozom! Hát persze, csak játszozom!” (DOSZTOJEVSZKIJ 2015:6)

2.2.2. Стил ь эпохи 19-го века: Эмоциональный колорит

Взволнованность Раскольников а выражается резкими словами, восклицаниями, незаконченными предложениями. Повышенная экспрессивность его речи достигается наличием эмоционально-оценочных эпитетов, сравнений, восклицаний. Как выражение наивысшего напряжения чувств – приёмом психологического умолчания, недоговорённости:

«О боже! как это всё **отвратительно!** И неужели, неужели я... нет, это **вздор**, это **нелепость!** – прибавил он решительно. – И неужели такой **ужас** мог прийти мне в голову? На какую **грязь** способно, однако, мое сердце! Главное: **грязно, пакостно, гадко, гадко!**.. И я, целый месяц...» (ДОСТОЕВСКИЙ 1866: I/1)

Перевод Герег и Беке:

Egek, micsoda **förtelem!** Hát lehet az... hát lehet az, hogy én... Eh, **ostobaság! Badarság!**... – mondta meggyőződéssel. – Hogy is férközhett a fejembe ilyen **ocsmányság!**? Mennyi **mocskot** rejt mégis a szívem! Igen, elsősorban **mocskos, ocsmány, undok...** Ó, milyen **undok!** És én egy egész hónapja... (DOSZTOJEVSZKIJ 1958: 6)

Переводческий вариант Шопрони:

„Uramisten! Milyen **undorító** ez az egész! Méghogy én, én... nem, ez **marhaság**, ez **képtelenség!** – tette hozzá határozottan. – Hogy juthatott ilyen **szőrnyűség** akár csak az eszembe? Hanem a szívem... micsoda **förtelemre** képes! Igen: **mocskos, undorító, ocsmány, ocsmány!**.. Én pedig egy álló hónapja...” (DOSZTOJEVSZKIJ 2015:11)

Переводчикам удалось, используя подходящие синонимы венгерского языка, стилистически адекватно передать оценочное отношение героя к ситуации, к своему размышлению о преступлении.

2.2.3. Темпоральные димензии текста: Архаизмы

Когда речь идёт о переводе произведения классической литературы, одним из вопросов общего читательского впечатления является насколько язык перевода должен быть стилизован под язык эпохи создания произведения. А. Шопрони нашёл необходимый здесь компромис: описательную часть текста – слова автора – передает в стиле классического реализма первой половины двадцатого века, что чуть-чуть отдаляет текст во времени. Архаизмы девятнадцатого века употребляются в первую очередь в диалогах, и являются инструментом характеристики данного персонажа.

Такая речь характерна, например, для Лужина:

– ...Ваша **мамаша**, еще в **бытность мою** при них, начала к вам письмо. Приехав сюда, я нарочно пропустил несколько дней и не приходил к вам, чтоб уж **быть вполне уверенным**, что вы **извещены** обо всем; но теперь, к удивлению моему...(ДОСТОЕВСКИЙ 1866: II/5)

Перевод Герег и Беке:

– A **kedves édesmamája** már **akkor** elkezdte azt a levelet, amikor én **ott tartózkodtam** náluk. Ideérkezésem után szándékosan vártam néhány napig a látogatással, azt hittem, így teljes **bizonyossággal** számíthatok **rá, hogy addigra** mindenről **értesült**. És most, a legnagyobb csodálkozásomra... (DOSZTOJEVSZKIJ 1958: 89)

Перевод Шопрони:

– **Uraságod** édesanyja, **midőn** még náluk **tartózkodtam volt**, levélírásba fogott uraságod számára. Amikor megérkeztem, szándékosan vártam néhány napot, s nem jöttem ide, hogy **tökéletesen** biztos legyek **afelől, miszerint** uraságod **értesítve lett** mindenről; most azonban csodálkozásomra... (DOSZTOJEVSZKIJ 2015: 124)

3. Выводы

Перевод тесно связывается с прагматикой, ибо она изучает не саму языковую систему, а отношение человека к знаковым системам, в том числе и к языковой системе. Анализируя переводы, нами изучается и совокупность экстралингвистических факторов, обеспечивающих коммуникативный акт перевода. Для переводчика текст интегративная семантико-понятийная единица. В контексте текста реализуются не собственно вербальные параметры языка, а синтезированные речемыслительные категории, которые определяют когнитивную и языковую картину каждого переводчика (ср. ФЕФИНОВ 2010: 142).

Лексическая точность перевода никак не означает механическое употребление словарного значения слова. Перевод всегда требует выбора

между стилистическими оттенками синонимов. Бывают случаи, когда слово в языке источника более колоритно, чем его эквивалент в языке перевода, и поэтому перевод теряет богатство. В таких случаях переводчик имеет право и даже должен обогатить свой перевод более колоритными словами. Точность перевода наблюдается не только на уровне слова, но также на уровне предложения и более крупных единиц (ALBERT 2014: 73–111, BENJAMIN 2007: 185, DE MAN 2007: 185).

Тематизированные выше примеры свидетельствуют не только о глубоком знании языка оригинала и языка перевода, но и о высоком мастерстве и даже, можно сказать, о литературном таланте переводчика (ср. РЕТНӦ 2011). Он позволяет ему наиболее точно передать намерения самого автора, и в ни коей мере не заслоняет писателя от читателя. Если вернуться к вопросу, стоило ли взяться за новый перевод, то можно сказать, что – не оспаривая достоинства предыдущих переводов – Андраш Шопрони дал во многих отношениях более точный и живой вариант великого романа. Он таким образом обогатил не только венгерскую переводную литературу, а тем самым венгерскую культуру.

Литература

- ДОСТОЕВСКИЙ 1866 = ДОСТОЕВСКИЙ Ф.М. Преступление и наказание. 1866. http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0060.shtml (2016-06-07)
- КУБРЯКОВА 2004 = КУБРЯКОВА Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. №1. 6-17.
- МАСЛОВА 2007 = МАСЛОВА В.А. Введение в когнитивную лингвистику. Москва: Изд. «Флинта», Изд. «Наука», 2007.
- МОСКВИН 2006 = МОСКВИН В.П. Стилистика русского языка. Ростов-на Дону: Изд. «Феникс», 2006.
- ПОПОВА, СТЕРНИН 2007 = ПОПОВА З.Д., СТЕРНИН И.А. Когнитивная лингвистика. Москва: «Восток–Запад», 2007.
- ФЕДОРОВ 2002 = ФЕДОРОВ А.В. Основы общей теории перевод. Москва, Санкт-Петербург: Филология-три, 2002.
- ФЕФИНОВ 2010 = ФЕФИНОВ А.И. Введение в когитологию. Москва: Изд. «Флинта», Изд. «Наука», 2010.
- ALBERT 2014 = ALBERT S. Fordítás – nyelv – filozófia. Budapest: Áron Kiadó, 2014.
- BENJAMIN 2007 = BENJAMIN W. A műfordítás feladata // Kettős megvilágítás. Fordításelméleti írások. (Ред.). Józán I., Jeney É. Hajdú P. Budapest: Balassi Kiadó, 2007 (1923). 183-195.
- DOSZTOJEVSZKIJ 1958 = DOSZTOJEVSZKIJ F.M. Bűn és bűnhődés. (Перевод Герер и Беке, Görög I. и Beke K.) Budapest: Est Lapkiadó Rt. és a Pesti Napló Rt., 1958. <http://mek.oszk.hu/00300/00370/00370.pdf> (2016-06-07)
- DOSZTOJEVSZKIJ 2015 = DOSZTOJEVSZKIJ F.M. Bűn és bűnhődés. (Перевод Шопрони, Soproni A.) Budapest: Syllabux Könyvkiadó, 2015.

- GADAMER 1994 = GADAMER H. A szép aktualitása. Budapest: T-Twins Kiadó, 1994.
- HETÉNYI 2009 = HETÉNYI Zs. A fordítások bűne és vétke // Holmi, 2009. № 6. <http://www.holmi.org/2009/06/hetenyi-zsuzsa-a-forditasok-bune-es-vetke> (2016-06-09).
- KLAUDY 2007 = KLAUDY K. Nyelv és fordítás. Válogatott fordítástudományi tanulmányok. Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2007.
- DE MAN 2007 = De MAN P. W. B. A műfordító feladata című írásáról // Kettős megvilágításban. Fordításelméleti írások. (Ред.). Józan I., Jeney É., Hajdú P. Budapest: Balassi Kiadó, 2007. (1983). 240-267.
- PETHŐ 2011 = PETHŐ J. Alakzat és jelentés. Az alakzatok stílus- és jelentésképző szerepe a szövegben. Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2011.
- TÁTRAI 2011 = TÁTRAI Sz. Bevezetés a pragmatikába. Funkcionális kognitív megközelítés. Budapest: Tinta Kiadó, 2011.
- TOLCSVAI NAGY 2013 = TOLCSVAI NAGY G. Bevezetés a kognitív nyelvészetbe. Budapest: Osiris Kiadó, 2013.